

UNIVERSITY OF BELGRADE, FACULTY OF PHILOLOGY
INSTITUTE FOR THE SERBIAN LANGUAGE OF SASA
SLAVISTIC SOCIETY OF SERBIA

**THE 47TH MEETING OF THE COMMISSION
ON THE GRAMMATICAL STRUCTURE
OF SLAVIC LANGUAGES OF THE
INTERNATIONAL COMMITTEE OF SLAVISTS**

BELGRADE, SEPTEMBER 12–14, 2024

BOOK OF ABSTRACTS

УНИВЕРЗИТЕТ У БЕОГРАДУ, ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ
ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ
СЛАВИСТИЧКО ДРУШТВО СРБИЈЕ

**47. СЕДНИЦА КОМИСИЈЕ ЗА ПРОУЧАВАЊЕ
ГРАМАТИЧКИХ СТРУКТУРА СЛОВЕНСКИХ
ЈЕЗИКА МЕЂУНАРОДНОГ
КОМИТЕТА СЛАВИСТА**

БЕОГРАД, 12–14. СЕПТЕМБРА 2024.

ЗБОРНИК ТЕЗА И РЕЗИМЕА

ОРГАНИЗАЦИОНИ ОДБОР КОНФЕРЕНЦИЈЕ

- Проф. др Људмила Поповић, председник Организационог одбора конференције
(Универзитет у Београду, Филолошки факултет)
- Др Каролина Скварска, научни саветник, председник Граматичке комисије МКС
(Словенски институт Академије наука Републике Чешке)
- Проф. др Магдалена Дањелевич, заменик председника Граматичке комисије МКС
(Варшавски универзитет, Институт за филологију)
- Проф. др Изабела Дурај-Новоселска, секретар Граматичке комисије МКС (Универзитет
„Николај Коперник“ у Торунју)
- Проф. др Софија Милорадовић, директор Института за српски језик САНУ
- Проф. др Ива Драшкић Вићановић, декан Филолошког факултета Универзитета у
Београду
- Проф. др Биљана Марић, председник Славистичког друштва Србије (Универзитет у
Београду, Филолошки факултет)
- Проф. др Марина Николић, научни саветник (Институт за српски језик САНУ)
- Др Александра Марковић, научни сарадник (Институт за српски језик САНУ)
- МА Стефан Милошевић (Универзитет у Београду, Филолошки факултет)

THE ORGANIZING COMMITTEE OF THE CONFERENCE

- Prof. Ljudmila Popović, Ph.D., Chair of the Organizing Committee of the Conference
(University of Belgrade, Faculty of Philology)
- Karolina Skwarska, Ph.D., Scientific Advisor, Chair of the Grammatical Commission of the
ICS (Institute of Slavonic Studies of the Czech Academy of Sciences)
- Prof. Magdalena Danjelevich, Dr. Hab., Deputy Chair of the Grammatical Commission
(University of Warsaw, Institute of Philology)
- Prof. Izabela Duraj-Novoselska, Dr. Hab., Secretary of the Grammatical Commission of the
ICSS (“Nicolaus Copernicus”, University in Toruń)
- Prof. Sofija Miloradović, Ph.D., Director of the Institute for the Serbian Language of SASA
- Prof. Iva Draškić Vićanović, Ph.D., Dean of the Faculty of Philology, University of Belgrade
- Prof. Biljana Marić, PhD, President of the Slavic Society of Serbia (University of Belgrade,
Faculty of Philology)
- Prof. Marina Nikolić, Ph.D., Scientific Advisor (Institute for the Serbian Language of SASA)
- Aleksandra Marković, Ph.D., Research Associate (Institute for the Serbian Language of
SASA)
- MA Stefan Milošević (University of Belgrade, Faculty of Philology)

**ПРОГРАМ
КОНФЕРЕНЦИЈЕ**

CONFERENCE PROGRAM

Четвртак
Thursday
12. 9. 2024.

9.00–9.30

Регистрација/Registration

9.30–9.45

Отварање/Opening

Софија Милорадовић, директор Института
за српски језик САНУ / Sofija Miloradović,
Director of the Institute for the Serbian Language
of SASA

Каролина Скварска, председница Комисије /
Karolina Skwarska, Chair of the Commission

Председава/Chair

Adrian Barentsen

9.45–10.15

Љубомир Поповић – *Интегрална концепција
синтаксе*

10.15–10.45

Magdalena Danielewicz – *Quasi-pasywizujące
techniki przekształcania wyrażeń argumentowych
w gramatyczny podmiot*

10.45–11.15

Imke Mendoza – *Double-headed relative clauses
from a typological and theoretical perspective*

11.15–11.45

Izabela Duraj-Nowosielska – *The word order and
prosody of constructions with subject-oriented
evaluative adverbs and their impact on the meaning
of these structures*

11.45–12.15

Пауза за кафу / Coffee break

Председава/Chair

Karolina Skwarska

12.15–12.45

Maciej Grochowski – *Przymiotnik określony w
języku polskim, cechy gramatyczne i semantyczne*
(онлајн/online)

- 12.45–13.15 Andreja Žele – *Spremembe v slovenski skladnji kot rezultat leksikalizacij in nove leksike*
- 13.15–13.45 Анатолій Загнітко – *Прийменникові одиниці з компонентом 'глибина, сталість і динаміка' (онлайн/online)*
- 13.45–14.15 Петя Основа – *Семантика берет верх над грамматикой? Доказательства из болгарского языка*
- 14.15–15.45 Пауза за ручак / Lunch break**
- Председава/Chair Hannu Tommola**
- 15.45–16.15 Björn Wiemer – *Nonpast forms of prefixed stems and their vicissitudes in Slavic*
- 16.15–16.45 Stephen Dickey – *On a Drift toward Delimitativity in Slavic (онлайн/online)*
- 16.45–17.15 Sergey Say – *Bivalent verb classes across Slavic: areal and genealogical patterns*
- 17.15–17.45 Пауза за кафю / Coffee break**
- 17.45–18.30 Радно заседање Комисије / Organisational meeting of the Committee**
- Петак
Friday
13. 9. 2024.**
- Председава/Chair Andreja Žele**
- 10.00–10.30 Борис Норман – *«Так можно сказать, но так не говорят» (о селективной функции грамматических форм)*
- 10.30–11.00 Rosanna Venacchio – *Распространение вежливого местоимения «Вы» в XVIII веке в русском языке: между грамматикой и прагматикой*
- 11.00–11.30 Леонид Иомдин – *Личная сфера говорящего и другие прагматические категории в микросинтаксических единицах (онлайн/online)*

11.30–12.00	Игорь Богуславский – <i>Выражения типа «в третий раз»: взаимодействие синтаксиса, семантики и коммуникативной организации (онлайн/online)</i>
12.00–13.30	Пауза за ручак / Lunch break
Председава/Chair	Daniel Weiss
13.30–14.00	Karolina Skwarska – <i>Synkretismus plurálových tvarů v současných slovanských jazycích</i>
14.00–14.30	Markus Giger – <i>Периферийные причастия и «псевдопричастия» в русском и чешском языках</i>
14.30–15.00	Tilman Berger – <i>The Competition of Two Dative Cases in Czech</i>
15.00–15.30	Tilmann Reuther – <i>More details on the syntax of Surzhyk</i>
15.30–16.00	Пауза за кафе / Coffee break
Председава/Chair	Rosanna Benacchio
16.00–16.30	Hannu Tommola – <i>Значимый нуль</i>
16.30–17.00	Daniel Weiss – <i>Грамматикализация мимативных конструкций типа «Взял да и вспомнил отца» в зеркале НКРЯ</i>
17.00–17.30	Adrian Barentsen – <i>Конкуренция между союзами прерывающего следования в западнославянских, болгарском и украинском языках</i>
17.30–18.00	Људмила Поповић – <i>Везник ЧИМ у српском језику у поређењу с источнословенским везником РАЗ</i>

**Филолошки факултет Универзитета у
Београду,
Сала за седнице (Студентски трг 3, 1. спрат)
Faculty of Philology, University of Belgrade,
Meeting hall (Studentski trg 3, 1st floor)**

- 18.15–19.15** Меморијално предавање у част академика
Предрага Пипера.
Срето Танасић – *Актуелни проблеми
стандардизације у синтакси српског језика*
Memorial Lecture in Honor of Academician
Predrag Piper.
Sreto Tanasić – *Current problems of
standardization in the syntax of the Serbian
language*
- 19.15** **Коктел/Cocktail**
- Субота
Saturday
14. 9. 2024.** Излет до манастира Манасија. Упознавање
са историјом Ресавске школе – највеће
скрипторије српског средњег века. Посета
Народној библиотеци „Ресавска школа“ у
Деспотовцу. Ручак.
- Excursion to Manasija monastery. Introduction
to the history of the Resava School – the largest
scriptorium of medieval Serbia. Visit to the
“Resavska škola” National Library in Despotovac.
Lunch.

ТЕЗЕ И РЕЗИМЕИ

ABSTRACTS

Adrian Barentsen
Амстердамский университет
a.barentsen@xs4all.nl

КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ СОЮЗАМИ ПРЕРЫВАЮЩЕГО СЛЕДОВАНИЯ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ, БОЛГАРСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В докладе на предыдущем заседании Комиссии было показано, что между славянскими языками существует интересное различие при выражении таксисного значения *прерывающего следования*.

Во всех славянских языках это таксисное значение может выражаться в сложных предложениях с «ограничительным» союзом типа русского *пока* или сербского *док* при т. н. «эксплетивной» негации в зависимой части, напр.: *Он кричал, пока не охрип / Он је урлао, док није промукао*. Здесь условно можно говорить о союзах *пока не*, *док не* и т.д.

Однако в ряде славянских языков, а именно в западнославянских, болгарском и украинском, наряду с этой отрицательно оформленной конструкцией встречается и конструкция *без* отрицания. В западнославянских языках в таких предложениях вместо ограничительного союза с отрицанием употребляется слово *až* (в чешском и словацком) или *aż* (в польском), напр.: *On krzyczał, dopóki nie ochrypl // On krzyczał, aż ochrypl*. А в болгарском и украинском языках лишь «опускается» отрицательная частица.

В докладе будут коротко рассмотрены попытки определения возможных семантических различий между «конкурирующими» вариантами в западнославянских языках, а также вопрос, насколько эти определения применимы для объяснения различий в функционировании позитивного и негативного вариантов в болгарском и украинском языках.

Основным источником материала для этого исследования является амстердамский параллельный корпус ASPAC – *Amsterdam Slavic Parallel Aligned Corpus*. (Информация об этом корпусе доступна в Интернете по адресу: doi.org/10.21942/uva.23044883)

Adrian Barentsen
University of Amsterdam
a.barentsen@xs4all.nl

COMPETITION BETWEEN CONJUNCTIONS OF INTERRUPTING POSTERIORITY IN WEST SLAVIC, BULGARIAN, AND UKRAINIAN

In my paper on the previous meeting of the Committee, it was shown that there exists an interesting difference between Slavic languages with respect to compound sentences expressing interrupting posteriority (like in *He screamed till/until he was hoarse*). In all Slavic languages, this meaning can be expressed with a ‘delimitative’ conjunction, like Russian *poka* or Serbian *dok* with a so-called ‘expletive’ negation applied to the predicate in the dependent clause (as in the Serbian translation: *On je urlao, dok nije promukao*). (Conventionally, in such cases, one speaks of ‘the conjunction *dok ne*’ etc.). However, in West Slavic, Bulgarian, and Ukrainian, alongside examples of this type, one also finds examples without expletive negation. In West Slavic, a completely different word is used: *až* (in Czech and Slovak) or *aż* (Polish), whereas in Bulgarian and Ukrainian, just the negative element is omitted. Both constructions can express variants of the meaning ‘interrupting posteriority’, but the element ‘interruption’ is much less prominent in the type without negation. Nevertheless, both types can be so close in meaning that they occur in alternative translations from languages without this formal distinction. In the paper, information will be given

about the relative frequency of these types and the structural and semantic factors that influence the choice between them. This will be based on the study of parallel texts included in the *Amsterdam Slavic Parallel Aligned Corpus*. (The information on that corpus is available at doi.org/10.21942/uva.23044883)

Розанна Бенаккио
Кафедра лингвистики и литературоведения ДИСЛЛ
Университет Падуи
rosanna.benacchio@unipd.it

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЕЖЛИВОГО МЕСТОИМЕНИЯ «ВЫ» В XVIII ВЕКЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МЕЖДУ ГРАММАТИКОЙ И ПРАГМАТИКОЙ

Общеизвестно, что в русском языке аллокутивное местоимение второго лица множественного числа *Вы* начало употребляться как форма вежливости лишь в XVIII веке. Ранее эта местоименная форма была ограничена дипломатической перепиской (*Vu majestatis*). Вне этой сферы использования в русском языке во всех обращениях употреблялось местоимение второго лица единственного числа *ты*. В данной работе мы проанализируем, каким образом вежливое *Вы* распространялось в русском языке в течение XVIII века. Мы будем различать два момента: петровское время, когда *Вы* еще не употреблялось регулярно (очень часто оно смешивалось с *ты*) и воспринималось как вежливая форма обращения, подражающая распространенным на Западе «хорошим манерам»; 2) следующий период, когда, также благодаря влиянию французского языка, употребление *Вы* постепенно стало регулярным явлением и, что еще важнее, наряду с первым, «симметрическим» употреблением, прибавилось второе, «несимметрическое», основанное на семантике власти.

Rosanna Benacchio
Department of Linguistic and Literary Studies DISLL
University of Padova
rosanna.benacchio@unipd.it

THE SPREAD OF “VY” IN 18TH CENTURY RUSSIAN: BETWEEN GRAMMAR AND PRAGMATICS

It is known that in Russian, the 2nd person plural allocutive pronoun *Vy* began to spread as a politeness marker only towards the 18th century. Before, this form (*Vy* majestatis) was limited to diplomatic correspondence: apart from that, only the 2nd person singular allocutive pronoun *ty* was used. In this paper, we intend to analyze how the polite pronominal *Vy* form spread in Russian during the 18th century. We will distinguish two moments: 1) the age of Peter the Great, when the use of *Vy* was still irregular (the mixed use of *Vy* and *ty* was a frequent phenomenon) and the pronoun was perceived as a sign of good manners (oriented towards the etiquette which was common in most European countries at that time); 2) the following period when, also thanks to the influence of French, the use of *Vy* became progressively regular and, what is more important, in addition to the first, basically “symmetrical” use, another, “asymmetrical” use, based on the semantics of power, appeared.

Tilman Berger
University of Tuebingen
tberger@uni-tuebingen.de

THE COMPETITION OF TWO DATIVE CASES IN CZECH

In my talk, I would like to discuss an interesting phenomenon in the declension of Czech masculines. It concerns the competition between the two endings *-u* and *-ovi* in the dative singular of animate masculines. These two endings are also found in other West Slavic languages (Slovak and Polish). However, while in Slovak and Polish the ending *-ovi/-owi* has largely established itself (in Polish also with inanimate masculine nouns), and almost every masculine noun is used with exactly one ending, in Czech, both endings can occur with most masculine nouns. Czech grammars give some rules about which ending is preferred. Some smaller groups of nouns use only one ending (e.g., masculine nouns ending in *-a*, which only use the ending *-ovi*), but most nouns can be combined with both endings. Datives standing alone (without attributes) usually have the ending *-ovi* (*dal to synovi*, ‘he gave it to the son’), datives which form a syntactic group together with other datives usually have the ending *-u* (cf. *prezident-u Václav-u Havl-ovi*). Nevertheless, the grammars allow a lot of variation, as well. I will try to show that we can distinguish a primary dative in *-ovi* and a secondary dative in *-u*, where the secondary case is restricted to specific syntactic contexts. I will also discuss whether there is *one* dative case with two endings or *two* dative cases that partially coincide.

ВЫРАЖЕНИЯ ТИПА *В ТРЕТИЙ РАЗ*: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИНТАКСИСА, СЕМАНТИКИ И КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

1. Рассмотрим пример:

(1) *На этой неделе Петя приехал в Белград в третий раз.*
‘в последовательности Петиных приездов в Белград
приезд на этой неделе занимает третье место’.

Адвербиальные выражения типа *в первый (второй, третий ...)* раз имеют следующие три валентности:

Р – «последовательность повторяющихся однородных событий, упорядоченная по времени»

Х – «один из элементов этой последовательности»

Н – «порядковый номер этого элемента в этой последовательности».

Как правило, выражение *в N-й раз* синтаксически зависит от некоторого глагола (в примере (1) – глагола *приехал*), и валентности Р и Х заполняются этим глаголом вместе с его зависимыми (возможно, не всеми). В данном примере валентность Р заполняется группой *Петя приехал в Белград*, а валентность Х – группой *на этой неделе Петя приехал в Белград*.

В докладе будут рассмотрены некоторые синтаксические и коммуникативные факторы, которые влияют на заполнение валентностей выражения *в N-й раз* и, следовательно, на его семантическую интерпретацию.

2. Семантика и синтаксис.

Рассмотрим предложения, в которых выражение *в N-й раз* выступает вместе с обстоятельством времени.

(2) *Капитан говорил со мной в первый раз, когда позвонила Маша.*

Здесь имеется в виду, что капитан говорил со мной несколько раз, и первый из них был тогда, когда позвонила Маша. Таким образом, валентность последовательности событий Р заполняется главным предложением *капитан говорил со мной*, а валентность единичного события Х, занимающего N-е место в этой последовательности, заполняется главным предложением совместно с придаточным – *капитан говорил со мной, когда позвонила Маша*.

Предложение (3) кажется похожим на (2), но в нем валентности выражения *в N-й раз* заполняются принципиально иначе.

(3) *В первый раз, когда я смотрел этот фильм, то вообще ничего не понял.*

Здесь последовательность событий выражена не главным предложением, а придаточным! Среди событий вида «я смотрел этот фильм» [=Р] первым было то, в котором я ничего не понял в фильме. Поэтому предложение (3) синонимично предложению (4):

(4) *Когда я смотрел этот фильм в первый раз, то вообще ничего не понял.*

В докладе будет показано, что в предложениях (2) и (3) принципиально разная синтаксическая структура, что и объясняет различие в заполнении валентностей.

3. Семантика и коммуникативная организация.

Сравним предложения (5) и (6):

(5) *Петя третий раз провел в Белграде целую неделю.*

(6) *Третий↑ раз Петя провел в Белграде целую неделю.* (NB: *третий* произносится с интонацией контрастной темы (↑)).

Эти предложения довольно близки по смыслу, но между ними есть и заметное семантическое различие. Предложение (5) значит:

(5а) ‘Петя провел в Белграде целую неделю’,

(5б) ‘это был третий недельный визит Пети в Белград (то есть, раньше уже было два недельных визита)’.

Значение (6) заметно другое:

(6a) ‘Петя провел в Белграде целую неделю’,

(6б) ‘это был третий визит Пети в Белград; два предыдущих визита не длились целую неделю’.

В докладе будет показано, каким образом это семантическое различие вытекает из разной коммуникативной организации предложений (5) и (6):

третий раз – рема в (5) и контрастная тема в (6)

целую неделю – рема в (6) и часть темы в (5).

Igor Boguslavsky

Institute for Information Transmission Problems,

Russian Academy of Sciences

Universidad Politécnica de Madrid

igor.m.boguslavsky@gmail.com

V TRETIJ RAZ ‘FOR THE THIRD TIME’
TYPE ADVERBIALS IN RUSSIAN:
THE INTERPLAY OF SYNTAX, SEMANTICS
AND COMMUNICATIVE ORGANIZATION

1. Consider sentence (1) and its meaning:

(1) *Na etoj nedele Petya priexal v Belgrad v tretij raz.*

‘this week Petya came to Belgrade for the third time’ = ‘in the sequence of Petya’s visits to Belgrade, this week’s visit occupies the third place’.

Russian adverbial expression *v N-j raz* ‘for the Nth time’ has the following three valencies:

P – “sequence of repeated homogeneous events ordered by the time”,

X – “one of the elements of this sequence”,

N – “the ordinal number of this element in this sequence”.

Typically, an expression *v N-j raz* ‘for the Nth time’ is syntactically dependent on some verb (in example (1), the verb *priexal* ‘came’). The valencies P and X are filled by

this verb together with its dependents (perhaps not all of them). In (1), the valency P is filled by *Petya priexal v Belgrad* ‘Petya came to Belgrade’ and the valency X is filled by *Na etoj nedele Petya priexal v Belgrad* ‘this week Petya came to Belgrade’.

In this talk, we will discuss some syntactic and communicative factors that affect the valency filling of *v N-j raz* ‘for the Nth time’ and hence its semantic interpretation.

2. Semantics and syntax.

Consider sentences in which the expression *v N-j raz* ‘for the Nth time’ appears together with a time adverbial.

(2) *Kapitan govoril so mnoj v pervyj raz, kogda pozvonila Masha.*

‘the captain was talking to me for the first time when Masha called’

What is implied here is that the captain talked to me several times, and the first talk was when Masha called. Thus, the valency that corresponds to the sequence of events P is filled by the main clause *Kapitan govoril so mnoj* ‘the captain was talking to me’, while the valency of the single event X, occupying the Nth place in this sequence, is filled by the main clause together with the subordinate clause – *Kapitan govoril so mnoj, kogda pozvonila Masha* ‘the captain was talking to me when Masha called’.

Sentence (3) looks pretty similar to (2), but it fills the valencies of the expression *v N-j raz* ‘in the Nth time’ in a fundamentally different way.

(3) *V pervyj raz, kogda ja smotrel etot film, to voobsche nichego ne ponyal.*

‘the first time I watched this movie, I didn’t understand anything at all’.

Here, the sequence of events is expressed by the subordinate clause rather than the main clause. Among the events of the “I watched this movie” type, the first was one in which I didn’t understand anything in the movie. Therefore, (3) is synonymous with (4):

(4) *Kogda ja smotrel etot film v pervyj raz, to voobsche nichego ne ponyal.*

‘when I watched this movie for the first time, I didn’t understand anything at all’

In the talk, we will show that sentences (2) and (3) have fundamentally different syntactic structures, which explains the difference in valency filling.

3. Semantics and communicative organization.

Consider sentences (5) and (6):

(5) *Petya tretij raz provel v Belgrade tseluju nedelju.*

‘Petya spent a whole week in Belgrade for the third time’.

(6) *Tretij ↑ raz Petya provel v Belgrade tseluju nedelju.* (NB contrastive theme intonation (↑) on *tretij* ‘third’).

lit. ‘for the third (↑) time, Petya spent a whole week in Belgrade’

‘as for the third time, Petya spent a whole week in Belgrade’.

Sentences (5) and (6) are quite close, but there is a marked semantic difference between them. The meaning of the sentence (5) has two components:

(5a) ‘Petya spent a whole week in Belgrade’,

(5b) ‘it was Petya’s third week-long visit to Belgrade’.

The meaning of (6) is noticeably different:

(6a) ‘Petya spent a whole week in Belgrade’,

(6b) ‘it was Petya’s third visit to Belgrade; two previous visits did not last a whole week’.

In the talk, we will show how this semantic difference derives from the different communicative organization of sentences (5) and (6):

tretij raz ‘for the third time’ is a Rheme in (5) and a Contrastive Theme in (6)

tseluju nedelju ‘a whole week’ is a Rheme in (6) and part of the Theme in (5).

Magdalena Danielewicz
Uniwersytet Warszawski
m.m.danielewicz@uw.edu.pl

QUASI-PASYWIZUJĄCE TECHNIKI PRZEKSZTAŁCANIA WYRAŻEŃ ARGUMENTOWYCH W GRAMATYCZNY PODMIOT

Referat będzie dotyczył polskich konstrukcji służących do przekształcania wyrażen argumentowych niepodlegających dialezie biernej w podmioty odpowiednich zdań, np.: *Karol zawsze interesował się Marią.* → *Maria zawsze była obiektem zainteresowań Karola,* *Urodziłam się w Warszawie.* → *Warszawa jest miejscem mojego urodzenia.* W pierwszej części prezentacji autorka omówi rozróżnienie między przechodnością gramatyczną i semantyczną. Druga część poświęcona będzie przeglądowi struktur quasi-pasywizujących. Okazuje się, że w gramatyczne podmioty można z łatwością przekształcić za pomocą omawianych konstrukcji wyrażenia, które realizują w danym zdaniu podstawowe pozycje argumentowe głównego predykatu: obiektu, kontragensa, adresata, narzędzia, miejsca, czasu. Im bardziej marginalna jest to pozycja, bo na przykład charakterystyczna dla bardzo wąskiej grupy predykatów, tym analizowana transformacja staje bardziej problematyczna.

Magdalena Danielewicz
University of Warsaw
m.m.danielewicz@uw.edu.pl

QUASI-PASSIVIZING TECHNIQUES OF TRANSFORMING ARGUMENT EXPRESSIONS INTO GRAMMATICAL SUBJECTS

The paper deals with Polish constructions that transform intransitive argument expressions into grammatical subjects, e.g.: *Karol zawsze interesował się Marią* 'Karol has always been interested in Maria' → *Maria zawsze była obiektem zainteresowań Karola* 'Maria has always been the object of Karol's interest', *Urodziłem się w Warszawie* 'I was born in Warsaw' → *Warszawa jest miejscem mojego urodzenia* 'Warsaw is my birthplace'. In the first part of the paper, the author discusses the distinction between grammatical and semantic transitivity. The second part is devoted to the review of quasi-passivizing structures. It turns out that expressions that realize the basic argument positions of the main predicate in a given sentence (the positions of the object, counteragent, addressee, tool, place, and time) can be easily transformed into grammatical subjects using the discussed constructions. The more marginal this position is, because typical, for example, of a very narrow group of predicates, the more problematic the analyzed transformation becomes.

Stephen Dickey
University of Kansas
smd@ku.edu

ON A DRIFT TOWARD DELIMITATIVITY IN SLAVIC

It is well known in Slavic aspectology that ingressive verbs in *za-* have been productive primarily in East Slavic and Bulgarian. In contrast, *za-* in West Slavic languages reflects a construal of activities as total events. Oertle (2016: 339) discusses a “delimitative” sense of *za-* in West Slavic, noting that verbs such as Czech *zacvrlikat* ‘chirp a bit’ are not delimitatives on a par with *po-* delimitatives in East Slavic and Bulgarian. Łaziński (2020) has identified such verbs (e.g., Polish *zapożować* ‘pose for a photo shoot’) as segmentatives, which profile a constituent phase (or phases) of an activity. Though they have not been the subject of linguistic analysis, segmentatives in *za-* also exist in western South Slavic, e.g., Slovene *zaigrati* ‘play [on a team, in a competition]’ and BCMS *zamumljati* ‘murmur’. This paper argues for the idea that there has been a drift toward delimitativity in a broad sense, i.e., the external bounding of atelic situations, in Slavic languages. In East Slavic, delimitatives in *po-* appeared early as a consequence of the despatialization of the prefix. In Polish, both delimitative *po-* and segmentative *za-* became productive. In Czech, Slovene, and BCMS, where delimitative *po-* remained marginal, the rise of segmentative *za-* has been the main development of a delimitative derivational pattern.

REFERENCES

- Łaziński, Marek. 2020. Between ingressivity and resultativity: The prefix *za-* in contemporary Polish from a cross-Slavic perspective. *Zeitschrift für Slawistik* 65(2): 249–271.
- Oertle, Simon. 2016. *Die slavischen Verbalpräfixe und Präpositionen: Polysemie und Grammatikalisierung*. Herne: Gabriele Schäfer Verlag.

Izabela Duraj-Nowosielska
Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu
iza_duraj@umk.pl

SZYK I INTONACJA KONSTRUKCJI Z „ZORIENTOWANYMI NA PODMIOT” PRZYSŁÓWKAMI OCENIAJĄCYMI I ICH WPŁYW NA ZNACZENIE TYCH STRUKTUR

W referacie omawiam wpływ intonacji i szyku konstrukcji z przysłówkami oceniającymi na znaczenie tych konstrukcji. W polskiej literaturze na temat adwerbiów nieraz przyjmuje się, że lokalizacja przysłówek „właściwych”, w odróżnieniu od metatekstowych partykuł (czasami z nimi konformalnych), nie jest istotna semantycznie. Jest jednak pewna podklasa wyrażen, które mają pod tym względem właściwości podobne do partykuł – są to mianowicie przysłówki „zorientowane na podmiot”, w tym przysłówki oceniające, takie jak *(nie)śmiało*, *(nie)mądrze*, *odważnie*, *egoistycznie*, *okrutnie* itp. W 1 części referatu prezentuję tę klasę na tle innych przysłówek zorientowanych podmiotowo i omawiam podstawowe, wspólne dla nich właściwości semantyczno-syntaktyczne. Następnie skupiam się na rozpoznaniu wieloznaczności zdań zawierających wyrażenia oceniające, w zależności od szyku i/lub intonacji, oraz na ukazaniu seryjnego charakteru tego zjawiska. Poszukuję ogólnego mechanizmu kryjącego się za wskazanymi różnicami, a także składniowych i leksykalnych wykładników odpowiedzialnych za poszczególne interpretacje. Przedstawiam również podstawowe formuły syntaktyczno-semantyczne reprezentujące te warianty, wraz z odpowiadającą im strukturą intonacyjną (a zatem i komunikacyjną) zdania. Na koniec omawiam pokrótce tło bibliograficzne i zadaję pytanie o status leksykalny wyrażen zajmujących różne pozycje składniowe.

Izabela Duraj-Nowosielska
Nicolaus Copernicus University in Toruń
iza_duraj@umk.pl

THE WORD ORDER AND PROSODY OF CONSTRUCTIONS WITH SUBJECT-ORIENTED EVALUATIVE ADVERBS AND THEIR IMPACT ON THE MEANING OF THESE STRUCTURES

In the speech, I discuss the impact of intonation and word order of constructions with evaluative adverbs on the meaning of these constructions. In Polish literature on adverbs, it is often assumed that the location of “proper” adverbs in the sentence, unlike metatextual particles (sometimes conformal with them), has no semantic significance. However, there is a certain subclass of expressions that have properties similar to particles in this respect, namely subject-oriented adverbs, including evaluative expressions such as *(nie)śmiało* ‘shyly/boldly’, *(nie) mądrze* ‘(un)wisely’, *odważnie* ‘bravely’, *egoistycznie* ‘egoistically’, *okrutnie* ‘cruelly’ etc. First, I introduce this class against the background of other subject-oriented adverbs, and present basic semantic-syntactic properties common for them. Then I focus on recognising the ambiguity of sentences involving evaluative expressions, depending on word order and/or intonation, and on demonstrating the serial character of this phenomenon. I am looking for a general mechanism behind the indicated interpretative differences, as well as syntactic and lexical exponents responsible for particular readings. I also present basic syntactic-semantic formulas matching these variants, along with the corresponding intonational (hence communicative) structure of the sentence. Finally, I discuss briefly a bibliographical background and ask the question about the lexical status of items occupying different syntactic positions.

Маркус Гигер
Карлов университет, Прага
Философский факультет
markus.giger@ff.cuni.cz

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ПРИЧАСТИЯ И «ПСЕВДОПРИЧАСТИЯ» В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

И русский, и чешский языки обладают обширной системой причастий, которая – за исключением терминологических различий – в чем-то схожа, а в чем-то отличается. В данном материале основное внимание уделяется периферийным формам причастий, которые не предусмотрены или не признаются традиционной кодификацией обоих литературных языков (например, действительные причастия настоящего времени глаголов сов. вида в обоих языках), а также «псевдопричастиям» (Plungjan 2010), то есть формам, которые деривационно близки к причастиям, но отличаются от них синтаксически и семантически в некоторых отношениях. Между обеими группами – периферийными причастиями и «псевдопричастиями» – возможны синхронные и диахронные переходы.

Markus Giger
Charles University, Prague
Faculty of Arts
markus.giger@ff.cuni.cz

PERIPHERAL PARTICIPLES AND “PSEUDO-PARTICIPLES” IN RUSSIAN AND CZECH

Both Russian and Czech have an extensive participial system, which – apart from terminological differences – is similar in some respects and different in others. This contribution focuses on peripheral participial forms that are not provided for or recognized by the traditional codification of both standard languages (such as the present active participle of perfective verbs in both languages) but also on “pseudo-participles” (Plungjan 2010), i.e., forms that are derivationally close to participles but differ from them syntactically and semantically in some respects. There can be synchronous and diachronic transitions between both groups – peripheral participles and “pseudo-participles”.

Maciej Grochowski
Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu
maciej.grochowski@umk.pl

PRZYMIOTNIK *OKREŚLONY* W JĘZYKU POLSKIM, CECHY GRAMATYCZNE I SEMANTYCZNE

W referacie będą omawiane cechy gramatyczne i semantyczne przymiotnika *określony* we współczesnym języku polskim. Badany przymiotnik porównuje się z jednej strony z homonimicznym imiesłowem przymiotnikowym biernym, a z drugiej strony z innymi przymiotnikami spokrewnionymi z nim semantycznie, np. takimi, jak *dany*, *wiadomy*, *znany*. Wyraz *określony* jako przymiotnik występuje prymarnie w antepozycji względem rzeczownika, stanowiącego centrum grupy nominalnej. Wyraz *określony* jako imiesłów występuje prymarnie w pozycji orzecznika. Jeżeli jest składnikiem grupy nominalnej, zajmuje postpozycję względem rzeczownika. Imiesłów reprezentuje predykat trójargumentowy (*x określił y jako z*). Pod względem funkcji semantycznej przymiotnik *określony* jest podobny do zaimka, z punktu widzenia kwantyfikacji referencyjnej jest jednak jednostką nienacechowaną. Jedną z głównych hipotez referatu jest sąd, że przymiotnik *określony* jest wyrażeniem metatekstowym. Sąd ten pociąga za sobą kilka hipotez szczegółowych dotyczących znaczenia przymiotnika, m.in. takich: ‘mogę powiedzieć więcej o X’, ‘nie mówię, jakiego rodzaju obiektem jest X, ale sądzę, że ty wiesz’, ‘X nie jest dowolny’. Będą one rozważane w referacie.

Maciej Grochowski
Nicolaus Copernicus University in Toruń
maciej.grochowski@umk.pl

THE POLISH ADJECTIVE OKREŚLONY 'DEFINITE', ITS GRAMMATICAL AND SEMANTIC FEATURES

The paper discusses grammatical and semantic features of the adjective *określony* 'definite' in contemporary Polish. The adjective in question is compared, on the one hand, with a homonymic participle, and on the other hand, with some other adjectives semantically related to it, e.g., *dany* 'given', *wiadomy* 'known, obvious', *znany* 'well-known'. The word *określony* as an adjective occurs primarily in anteposition to the noun as its attribute, whereas the participle *określony* occurs mainly in the predicative position, which means that it stands in postposition to the noun. The participle represents a bi-valent predicate. The adjective *określony* is similar in its semantic function to a pronoun, yet unlike the latter, it is unmarked regarding referential quantification. My central hypothesis is the following: the adjective *określony* is a metatextual expression. It implies several semantic components, among others: 'I can say more about X' ['mogę powiedzieć więcej o X'], 'I don't say what sort of object X is but I think you know that' ['nie mówię, jakiego rodzaju objektem jest X, ale sądzę, że ty wiesz'], 'X is not [just] any object' ['X nie jest dowolny']. The notions mentioned above are discussed in the paper.

Леонид Иомдин
Институт проблем передачи информации
(Институт Харкевича)
Российская академия наук
iomdin@gmail.com

ЛИЧНАЯ СФЕРА ГОВОРЯЩЕГО И ДРУГИЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В МИКРОСИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Будут рассмотрены некоторые микросинтаксические единицы русского языка, в значении и употреблении которых ярко проявляются нетривиальные семантические и прагматические факторы, в том числе введенная в свое время Ю. Д. Апресяном категория личной сферы говорящего, риторичность вопросов, сценарный характер диалогов, содержащих микросинтаксические единицы. Сюда относятся, в частности, такие единицы, как *Как дела* <делишки> (личная сфера говорящего, сценарный характер ответов), *где наша не пропадала* (личная сфера говорящего), *Твое какое дело* (риторический вопрос).

Leonid Iomdin
Institute for Information Transmission Problems
(Kharkevich Institute)
Russian Academy of Sciences
iomdin@gmail.com

PERSONAL SPHERE OF THE SPEAKER AND OTHER PRAGMATIC CATEGORIES IN MICROSYNTACTIC UNITS

In the paper, some microsyntactic units of the Russian language will be considered, in the meaning and use of which certain non-trivial semantic and pragmatic factors are clearly manifested, including the category of the speaker's personal sphere (once introduced by Yu. D. Apresyan), the rhetoric character of questions or script-like nature of dialogues containing microsyntactic units. This applies in particular to such units as *Как дела* <делушки> (personal sphere of the speaker, script-like nature of possible answers), *где наша не пропадала* (personal sphere of the speaker), *Твое какое дело* (rhetorical question).

Imke Mendoza
Paris-Lodron-Universität Salzburg
Imke.Mendoza@sbg.ac.at

DOUBLE-HEADED RELATIVE CLAUSES FROM A TYPOLOGICAL AND THEORETICAL PERSPECTIVE

Relative constructions that simultaneously possess an external and an internal head, as in Ru.: Накануне у одного из наших геологов был день рождения, по каковому поводу было устроено небольшое пиршество (A. M. Gorodnickij, 2014; RNC), are not very common. Only very few languages use this construction as a primary relativization strategy; in languages such as English, Russian, or Polish, it is a peripheral phenomenon that shows certain structural, discursive, and stylistic restrictions. From a theoretical point of view, the syntactic relation between the “matrix clause” (i.e., the clause that contains the external head) and the relative clause is unclear. In my talk, I will analyze double-headed relative clauses in selected Slavic languages with respect to the empirical and theoretical issues indicated above.

Борис Норман
boris.norman@gmail.com

«ТАК МОЖНО СКАЗАТЬ, НО ТАК НЕ ГОВОРЯТ» (О СЕЛЕКТИВНОЙ ФУНКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ)

Языковая система обладает большим запасом возможностей выражения значений, который используется лишь частично. Это обнаруживается, в частности, при сопоставлении славянских языков и касается категорий числа, рода, способов глагольного действия, безличности и др. Один из самых показательных примеров последнего времени – выражение значения «лицо женского пола» через суффиксальные средства (проблема феминитивов). Но наибольший интерес представляют ситуации, когда те или иные морфологические «запреты» (фильтры) связаны со спецификой лексического значения. Это – селективная роль грамматических значений, воплощающая в себе взаимодействие лексики и грамматики. В докладе данный тезис будет продемонстрирован на примере существительных с темпоральным значением.

Boris Norman
boris.norman@gmail.com

“YOU CAN SAY THAT, BUT NO ONE SAYS THAT”
(ABOUT SELECTIVE FUNCTIONS
OF GRAMMATICAL FORMS)

The language system has a large reserve of possibilities for expressing meanings, which is used only partially. This is found, in particular, when comparing Slavic languages and concerns the categories of number, gender, modes of verbal action, impersonality, etc. One of the most indicative examples of recent times is the expression of the meaning “female person” through suffixal means (problem of feminine forms). But the most interesting are the situations when certain morphological “prohibitions” (filters) are connected with the specifics of the lexical meaning. This is a selective role of grammatical meanings, embodying the interaction of vocabulary and grammar. In the report, this thesis will be demonstrated on the example of nouns with a temporal meaning (Russian *зимой, утром, в понедельник, по пятницам, под Новый год, на Рождество, неделю назад*, etc.).

Петя Осенова
Софийский университет «Св. Климент Охридский»
Факультет славистики
petyaosenova@hotmail.com

СЕМАНТИКА БЕРЕТ ВЕРХ НАД ГРАММАТИКОЙ? ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЗ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

В этом докладе я хотела бы сообщить о некоторых современных тенденциях, когда грамматические показатели и особенности в болгарском языке подавляются или становятся нестабильными, и, таким образом, либо семантика обеспечивает интерпретацию высказывания, либо она является причиной конкуренции и неправильного использования языковых форм, включая случаи, когда одна из форм берет на себя ведущую роль. В статье основное внимание уделяется: исключению определенного артикля в некоторых конструкциях; неправильному использованию счетной формы и множественного числа в неличных существительных мужского рода, преобладанию одного из двух типов согласования в формулах речевого этикета; сильной конкуренции личных и, особенно, притяжательных местоимений с их возвратными аналогами. В общем, мой вывод таков, что доминирование семантики над грамматикой уже становится все более отчетливым.

Petya Osenova
Sofia University “St. Kliment Ohridski”
Faculty of Slavic Studies
petyaosenova@hotmail.com

SEMANTICS TAKES OVER GRAMMAR? EVIDENCE FROM BULGARIAN

In this talk, I would like to report on some recent tendencies where grammatical markings and features in Bulgarian are suppressed or becoming unstable, and thus either the semantics only ensures the interpretation of the utterance, or the semantics is the reason for the competition and confusion of forms and/or with one of them taking the lead. I will focus on: the suppression of the definite article in some constructions; the confusion of count and plural forms in non-person masculine nouns; the prevalence of one of the two types of polite formulas agreement; the stronger competition of the personal and especially – the possessive pronouns – to their reflexive counterparts. In general, my conclusion is that the role of semantics over grammar is already becoming more and more distinct.

Ljubomir Popović
Univerzitet u Beogradu
Filološki fakultet
fonljupo@gmail.com

INTEGRALNA KONCEPCIJA SINTAKSE

Cilj rada je da ukaže na kompleksne odnose između jezika-koda i tekstova formulisanih na tom jeziku i pokaže reperkusije toga za koncipiranje teorije sintakse i za metodologiju sintaksičkih istraživanja. Posebno se naglašava potreba specifikovanja pravila jezičkog koda na osnovu kojih se vrši formulisanje i interpretacija iskaza u tekstovima. Ovakav pristup sintaksi je važan ne samo za kompleksan i funkcionalan prikaz jezika-koda nego i za sintaksičku analizu tekstova.

Ljubomir Popović
University of Belgrade
Faculty of Philology
fonljupo@gmail.com

AN INTEGRAL CONCEPTION OF SYNTAX

The paper aims to point out the complex relationship between the code language and the texts formulated in that language and to present the repercussions of this for the conception of the theory of syntax and the methodology of syntactic research.

Људмила Поповић
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
ljudmila.popovic@fil.bg.ac.rs

ВЕЗНИК *ЧИМ* У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ У ПОРЕЂЕЊУ С ИСТОЧНОСЛОВЕНСКИМ ВЕЗНИКОМ *РАЗ*

Везник *чим* у српском језику представља двовалентни семантички примитив који повезује две предикације. Његов синтаксички статус је посебан – у зависности од различитих морфолошких, лексичких, синтаксичких и прагматичких параметара он може имати значење које „балансира“ од темпоралног до каузативног, али и хипотетичког. У србистичкој литератури издвојене су конструкције с везницима *чим*, *док* и *кад*, које припадају посебном *субпољу узрока критерија*. Анализа морфолошких, лексичких и прагматичких маркера таквих конструкција с везником *чим*, у чијој се зависној клаузи претпоставља ситуација (X), која је заснована на одређеном стању ствари, а служи као основа за констатацију (Y) у главној реченици, пружа основу за њихово сврставање у *хипотетичке конструкције* (нпр. **Чим** си ме назво земљак, јасно ми је одакле си; **Чим** си ти доктор, па још д доктор, види се да ниси читао проф. др Елеонору Гвозденовић; **Чим** су постојале, значи да су имале своју клијентелу).

Таквим конструкцијама у источнословенским језицима одговарају сложене реченице са двовалентним везником *раз*. Уп. (рус.) *Раз ты меня назвал земляком, понятно откуда ты; Раз ты доктор, да еще и д доктор, понятно, что ты не читал Элеонору Гвозденович;* (укр.) *Раз існували, значить, мали своїх відвідувачів* итд.

Наведени тип конструкције је специфичан првенствено због своје наглашене хипотетичко-прагматичке компоненте. Говорник представља ситуацију X као претпостављену, коју,

међутим, по његовом мишљењу, саговорник неће порицати, што му даје основа за одређену констатацију: нпр. *Чим вас на Западу оптуже да сте „емотивни“, значи да хоће нешто да вам отму.*

Прагматичка компонента везника *чим* је у вези с његовом семантиком и чини га погодним за употребу у полипредикативним комплексима, својеврсним чистим хипотетичким силогизмима, који могу бити оформљени као низ узајамно повезаних реченица или једна вишесложна реченица. У првом делу таквог силогизма конструише се аргумент 'ако (P), онда (Q)', другу премису такође чини хипотетички став 'ако (Q), онда (R)', што води логичком закључку 'ако (P), онда (R)', који је, међутим, имплицитан, уп.: *Достојевски је сматрао да ако нема Бога, све је допуштено, а чим је све допуштено, лако је пасти у очајање* ($p \rightarrow q, q \rightarrow r \vdash p \rightarrow r_{impl}$).

Један део рада биће посвећен етимолошкој анализи везника *чим*, у поређењу с источнословенским *раз*, као „фрагмента прошлости“ у својству граматичког идиома.

Ljudmila Popović
University of Belgrade
Faculty of Philology
ljudmila.popovic@fil.bg.ac.rs

THE SERBIAN CONJUNCTION ЧИМ COMPARED TO THE EAST SLAVIC CONJUNCTION РАЗ

The conjunction чим in the Serbian language represents a bivalent semantic primitive that connects two predications. Its syntactic status is special – depending on various morphological, lexical, syntactic, and pragmatic parameters, it can express different meanings: temporal, causative, as well as hypothetical. In the Serbian literature, constructions with the conjunctions чим ‘as soon as/since/if’, док ‘while’, and кад(а) ‘when/if’, which belong to a particular subfield of criteria causes, are highlighted. Such constructions with the conjunction чим, in the dependent clause of which a situation (X) is assumed, that is based on a particular state of affairs and serves as the basis for the statement (Y) in the main sentence, we classified as *hypothetical constructions*, starting from their morphological, lexical and pragmatic markers (e.g. *Чим/ако си ме назво земљак, јасно ми је одакле си* ‘Since/if you called me a countryman, it’s clear to me where you’re from’; *Чим/ако су постојале, значи да су имале своју клијентелу* ‘Since/if they existed, it means that they had their own clientele’).

Such constructions in Eastern Slavic languages correspond to complex sentences with the bivalent conjunction РАЗ (e.g. (Rus.) *Раз ты меня назвал земляком, понятно откуда ты*; (Ukr.) *Раз існували, значить, мали своїх клієнтів* etc.).

The mentioned type of construction is specific primarily because of its emphasized hypothetical-pragmatic component. The speaker presents situation X as assumed, which, in his opinion, the interlocutor could not deny. That gives the speaker the basis for a particular statement: e.g., *Чим вас на Западу оптуже да*

сте „емотивни“, значи да хоће нешто да вам отму. ‘Since/ if you are accused of being “emotional” in the West, it means that they want to take something away from you’.

The pragmatic component of the conjunction is related to its semantics and makes it suitable for use in polypredicative complexes, a kind of pure hypothetical syllogisms, which can be formed as a series of interconnected sentences or one multisyllabic sentence. In the first part of such a syllogism, the argument ‘if (P), then (Q)’ is constructed, the second premise is also the hypothetical position ‘if (Q), then (R)’, which leads to the logical conclusion ‘if (P), then (R)’, which, however, is implicit, cf.: *Достојевски је сматрао да ако нема Бога, све је допуштено, а чим је све допуштено, лако је пасти у очајање* ‘Dostoevsky believed that if there is no God, everything is permitted, and since/if everything is permitted, it is easy to fall into despair’ ($p \rightarrow q, q \rightarrow r \vdash p \rightarrow r_{impl}$).

One part of the paper will be devoted to the etymological analysis of the conjunction ЧИМ, compared to East Slavic РАЗ, as “fragments of the past” in the sense of grammatical idiom.

Tilman Reuther
Alpen-Adria-Universität Klagenfurt
Tilman.Reuther@aau.at

MORE DETAILS ON THE SYNTAX OF SURZHYK

The hitherto little-researched syntax of Surzhyk is examined on the basis of Muysken's model of "congruent lexicalization" due to the extensive correspondence between the syntactic structures of Ukrainian and Russian – also in the forms of oral speech. Using transcribed examples of dialogic speech from literature and the Austrian-German research project "Hybridisation from two sides: Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian codemixing in the context of the sociolinguistic situation in Southern Ukraine along the Black Sea coast" (FWF/Klagenfurt/Reuther and DFG/Oldenburg/Hentschel), two tendencies are shown: (1) Verbs are highly relevant for the lexicalization of clauses in the following sense: Verbs – with otherwise predominantly Ukrainian lexicalization in the speech under consideration – tend to become triggers for Russian lexicalizations in the context of clauses if they are Russian verbs themselves. (2) Nominal phrases tend to be lexically and morphologically homogeneous, i.e., Ukrainian word forms form nominal phrases with other Ukrainian word forms, and Russian word forms with other Russian word forms.

Sergey Say
University of Potsdam
serjzhka@yahoo.com

BIVALENT VERB CLASSES ACROSS SLAVIC: AREAL AND GENEALOGICAL PATTERNS

The distribution of verbs into valency classes in individual languages is largely semantically motivated. However, the specific traits that determine the choice of the argument-encoding devices, such as, e.g. cases and adpositions, are not identical across languages. Moreover, this valency class assignment is known to be unstable diachronically, so language-internal processes like analogy, semantic bleaching, periphrastization, as well as language-external processes triggered by language contact, can reshape valency class systems relatively fast. In this respect, the Slavic languages, with their complex and well-documented history of genealogical divergence and language contact, constitute an excellent testing ground for exploring the interplay between genealogical and areal factors in shaping various aspects of valency organization.

In my talk, I will tackle these issues by drawing on the data from BivalTyp, a typological database of bivalent verbs and their encoding frames (www.bivaltyp.info). This database contains information on the valency patterns associated with 130 bivalent predicates (such as ‘hit’, ‘know’, ‘be afraid’, ‘look’, ‘resemble’ etc.) given in context. The data come from 11 Slavic standard varieties (Russian, Belarusian, Ukrainian, Polish, Czech, Slovak, Slovenian, Croatian, Serbian, Macedonian and Bulgarian). The layers of annotation are taken into consideration: i) the cognacy class of the verb lexeme, ii) the cognacy class of the argument-encoding devices involved in specific valency patterns (that is, cases and prepositions) and iii) the valency class as such, which is determined in language-specific terms. Similarities and differences between languages were operationalized in terms of

distance metrics. In the case of dimensions i) and ii), these distance metrics are straightforward (simple matching coefficient). In the case of dimension iii), straightforward equating of valency classes across languages is not possible, so the metric used was based on MI (Mutual Information).

The main results arrived at are as follows.

a) The two dimensions that are based on cognacy, that is, the cognacy of verb lexemes and the cognacy of specific argument-encoding devices, are mainly shaped by the genealogical relationships between languages.

b) However, the distribution of verbs into valency classes, that is, dimension iii) is primarily shaped by areal factors, whereby languages belonging to distinct genealogical branches can display massive traces of convergent process (as is the case of the similarities between Polish, Ukrainian, and Belarusian).

c) A still more general conclusion is that the valency behavior of a specific verbal lexeme can change diachronically relatively independent of the processes affected by the choice of the particular lexical item that is used for conveying a given predicative sense. This generalization corroborates the idea that valency behavior is a diachronically unstable grammar domain readily susceptible to contact-induced effects.

Karolina Skwarska
Akademie věd České republiky
Slovanský ústav
skwarska@slu.cas.cz

SYNKRETISMUS PLURÁLOVÝCH TVARŮ V SOUČASNÝCH SLOVANSKÝCH JAZYCÍCH

Příspěvek se zaměřuje na synkretismus plurálových tvarů substantiv ve slovanských jazycích, např. tvar dativu, lokálu a instrumentálu všech rodů ve spisovné polštině, ruštině, ukrajinštině, běloruštině, srbštině, chorvatštině, bosenštině, černohorštině, genitivu v lužické srbštině (Běličová 1998). V dialektech příslušných jazyků může být situace složitější, např. v některých velkopolských nářečích se vyskytuje instrumentál plurálu také s koncovkami *-amy*, *-óma* (Kobus 2019: 165). V substandardní češtině existuje tendence unifikovat instrumentál plurálu všech rodů koncovkou *-ama/-ema* (*hradama*, *nožema*, *ženama*, *ružema*, *městama*, *polema* a dal.). Tato původně duálová koncovka je naopak někdy nepatříčně nahrazována koncovkou *-ami* v tvarech, kde by se měl zachovávat duálový tvar (např. *rukami*). Cílem příspěvku je tak zmapovat, v jaké míře je v současnosti synkretismus plurálových tvarů funkční v různých (a to nejen spisovných) slovanských jazycích.

REFERENCE

- Běličová, Helena 1998: *Nástin porovnávací morfologie slovanských jazyků*. Praha.
Kobus, Justyna 2019: *Studia nad fleksją rzeczownika w gwarach wielkopolskich*. Poznań.

Karolina Skwarska
Czech Academy of Sciences
Institute of Slavonic Studies
skwarska@slu.cas.cz

UNIFICATION OF PLURAL FORMS OF NOUNS IN CONTEMPORARY SLAVIC LANGUAGES

The paper deals with unified plural forms of Slavic nouns, especially dative, locative, instrumental in Polish, Russian, Ukrainian, Belarussian, BCMS, and, i.e., genitive in Sorbian for all genders (Běličová 1998). There is also a tendency to unify instrumental form of nouns in non-standard Czech. On the contrary, some Polish dialects have not unified instrumental forms (Kobus 2019: 165). We try to find examples in the other non-standard Slavic languages and describe the system of contemporary plural noun forms.

REFERENCES

- Běličová, Helena 1998: *Nástin porovnávací morfologie slovanských jazyků*. Praha.
- Kobus, Justyna 2019: *Studia nad fleksją rzeczownika w gwarach wielkopolskich*. Poznań.

Ханну Томмола
Университет Тампере
hannu.tommola@tuni.fi

ЗНАЧИМЫЙ НУЛЬ

После работ Женевской школы и структуралистов *нулевой знак* занимает оправданное место в анализе языковых систем. Несмотря на то, что понятие *значимого нуля* может показаться тривиальным в бинарной оппозиции минимальных пар, например в фонологии и морфологии, но немаркированность или отсутствие ожидаемого элемента может нести достаточно четкое значение (напр. отсутствие подлежащего при глаголе мн. ч., особенно в прош. вр., причем он противопоставляется сказуемым со всеми личными местоимениями или именной группой в позиции подлежащего: *говорили vs. мы, вы, они говорили*). Вообще *отсутствие чего-либо* в противопоставлении *чему угодно*, видимо, играет свою роль в человеческом познании, о чем свидетельствуют фразеологизмы и пословицы в фольклоре разных народов, напр. *молчание — (есть) знак согласия* (лат. *qui tacet consentire videtur*).

Hannu Tommola
Tampere University
hannu.tommola@tuni.fi

MEANINGFUL ZERO

At least since Saussure, we know that the concept of zero is significant in linguistics, not only in morphology (e.g., in many I-E languages, masculine nouns with no ending as opposed to all oblique cases, on the one hand, and to plural forms, on the other), but also in syntax (e.g., in East-Slavic, clauses with the predicate verb in 3rd person plural form, though without an overt subject, indicating an indefinite agent). In general, *nothing at all* opposed to *anything* explicitly uttered seems to play a role in human cognition across cultures and languages. The notion of *silent consent* is proverbial in various formulations in many languages, cf. Latin *qui tacet consentire videtur*, Czech *kdo mlčí, souhlasí*, Russian *молчание — (есть) знак согласия* etc. Equally widespread is the saying *No news is good news*. In this paper, the functions of zero marking will be considered in Slavic and other languages.

Даниэль Вайс
Университет в Цюрихе
dweiss@slav.uzh.ch

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ МИРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ТИПА «ВЗЯЛ ДА И ВСПОМНИЛ ОТЦА» В ЗЕРКАЛЕ НКРЯ

В докладе рассматриваются русские миративные конструкции типа *взять и/да/да и сделать*, начиная с первого засвидетельствованного в НКРЯ примера и до настоящего времени, с учетом разных этапов грамматикализации в хронологическом порядке. В частности, будут обсуждаться неканонические субъекты и вторые глаголы, описывающие неконтролируемые события, а также появление и интерпретация отрицания второго глагола и возникновение конструкций с несовершенным видом первого глагола (*брать*). Предметом доклада являются также контекстуально обусловленные прагматические эффекты.

Daniel Weiss
University of Zurich
dweiss@slav.uzh.ch

THE GRAMMATICALIZATION OF MIRATIVE
CONSTRUCTIONS OF THE TYPE “HE (LIT.) TOOK
AND REMEMBERED HIS FATHER”
(BASED ON DATA FROM THE RNC)

The paper investigates Russian mirative constructions of the type *vzjat' i/da i/da ne sdelat'* from their first attestation in the Russian national corpus until today by scrutinizing the different stages of the grammaticalization of the mirative construction family in chronological order. In particular, the paper discusses non-canonical subjects and second verbs, and focuses on the impact of negation and the introduction of ipf. equivalents with the first verb *brat'*, and is rounded up with observations on contextually bound pragmatic effects.

Björn Wiemer
Johannes Gutenberg-University Mainz
wiemerb@uni-mainz.de

NONPAST FORMS OF PREFIXED STEMS AND THEIR VICISSITUDES IN SLAVIC

My talk will be devoted to the varying treatment of the non-past tense of certain prefixed verb stems in languages of the Slavic western “edges” (Czech, Slovak, Sorbian, Kajkavian South Slavic). For these languages (particularly Czech), it has been claimed that the prefix *po-* (sometimes also *s-/z-*) marks the future tense of certain classes of ipfv. stems. The core group has always consisted of verbs of directed motion (e.g., Cz. *po-jedu* ‘I will go/drive’, *popluji* ‘I will swim’), related causatives (e.g., *potáhnu* ‘I will pull’, *povezu* ‘I will bring (by driving)’), and inchoative verbs (e.g., *poroste* ‘s/he will grow’, *pokvete* ‘it will blossom’); cf. Vondrák (1928: 383), Kopečný (1962: 49), Ružička/Dvonč (1966: 41) Mrhačová (1993: 65-67), Scholze (2008: 194f., 269f., 279f.). Obviously, from a diachronic viewpoint, the “inventory” of these verb stems varied, as has the status ascribed to the derivatives in earlier stages (cf. Bondarko 1961, Němec 2009 [1962], Šlosar 1981: 79f., 102f., Bláha 2008: 26-34 on Czech and Machek 1962 across Slavic). Even for the contemporary stages, these issues have been treated differently, first of all, when it comes to determining the aspect membership (pfv. or ipfv.?) and the relation to the “regular” future tense (e.g., Cz. *bud-* + infinitive, Sln. *bô-* + *l*-participle); cf. Kopečný (1962: 49f.), Ševčíková/Panevová (2018: 179f.) on Czech, Derganc (2014; 2015) on Slovene.

I will give a critical revision of this age-honored issue of Slavic diachronic aspect-tense morphology by spelling out parameters and weak points and by disentangling apparent contradictions in the treatment of these forms, both from a diachronic point of view (rise and consolidation of the stem-

derivational aspect system) and in relation to the contemporary state in the languages mentioned above.

REFERENCES

- Bláha, Ondřej. 2008. *Vyjadřování budoucnosti v současné češtině (se zřetelem k ostatním slovanským jazykům)*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- Bondarko, Aleksandr V. 1961. K voprosu o glagolax dviženija v češskom jazyke. *Slavia* 30: 527–547.
- Derganc, Aleksandra. 2014. Še o glagolih premikanja v ruščini in slovenščini. In: Vidovič Muha, A. & A. Žele (eds.). *Prostor v jeziku in jezik v prostoru* (= *Slavistična revija* 62–63), 345–351.
- Derganc, Aleksandra. 2015. Glagol determinirovannogo dviženija ‚iti‘ v slovenskom jazyke. In: Kitadzë, Micusi (ed.). *Aspektual'naja semantičeskaja zona: tipologija sistem i scenarii diaxroničeskogo razvitija: sbornik statej V Meždunarodnoj konferencii Komissii po aspektologii Meždunarodnogo komiteta slavistov, Kioto, 13-15 nojabrja 2015 g.* Kioto: Universitet Kioto Sangë, 73–77.
- Kopečný, František. 1962. *Slovesný vid v češtině*. Praha: Nakl-ví ČAV.
- Machek, Václav. 1962. K otázce tzv. prázdných předpon: imperativy a futura s *po-* u Slovanů. *Slavica Pragensia IV (Acta Universitatis Carolinae – Philologica)*, 437–442.
- Mrhačová, Eva. 1993. *Korelativní slovesa pohybu ve slovanských jazycích, zvláště v ruštině*. Olomouc: Sfinga.
- Němec, Igor. 2009. Staročeské futurum typu *pójdu, ponesu* v poměru k préteritu. In: Igor Němec: *Práce z historické jazykovědy*. Praha: Academia, 273–278. [Reprint from: *Slavia* 31 (1962), 27–33].
- Ružička, Jozef & Ladislav Dvonč. 1966. *Morfológia slovenského jazyka*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.
- Scholze, Lenka. 2008. *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt*. Bautzen: Domowina.

- Ševčíková, Magda & Jarmila Panevová. 2018. Hranice flektivní a derivační morfologie: Příklad předpony *po-* u českých sloves. *Slovo a slovesnost* 79: 171–198.
- Šlosar, Dušan. 1981. *Slovotvorný vývoj českého slovesa*. Brno: Univerzita J.E. Purkyně.
- Vondrák, Wenzel. 1928. *Vergleichende Slavische Grammatik, II. Band: Formenlehre und Syntax*. 2nd ed. (by O. Grünenthal). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Анатолій Загнітко
НАН України
Донецький національний університет імені Василя Стуса
a.zagnitko@gmail.com

ПРИЙМЕННИКОВІ ОДИНИЦІ З КОМПОНЕНТОМ 'ГЛИБИНА': СТАЛІСТЬ І ДИНАМІКА

Досліджуються прийменникові утворення з компонентом *'глибина'* з опертям на статусне тлумачення лексеми *'глибина'* в сучасних лексикографічних виданнях із послідовним визначенням функційних закономірностей горизонтального, вертикального та внутрішнього орієнтирів в усталенні прийменникових похідних, у межах яких лексема *'глибина'* не завжди втрачає власну субстанційність.

Матеріалом аналізу постають прийменникові одиниці з компонентом *'глибина'* в сучасних українській, білоруській, російській і почасти польській мовах з опертям на національно-текстові корпуси та упорядковані цілісні словники прийменників та їх аналогів (української, білоруської, польської й почасти російської мов), що дає змогу встановити спільне та відмінне в реалізації директива-фініша, директива-рецепієнса, директива-орієнтира, дименсива-локати́ва, дименсива-характеризатора, дименсива-кваліфікатора, дименсива-градуатора та ін., а також особливостей синтезу різної семантики в межах різних прийменниково-похідних утворень.

Дослідження прийменникових утворень із компонентом *'глибина'* в сучасних українській, білоруській, російській і почасти польській мовах уможливорює побудову регулярних моделей із аналізованим компонентом зі встановленням функційних особливостей лівобічних і правобічних елементів у їхніх межах і кваліфікацією семантичної цілісності нових утворень. Простеження різних варіантних виявів – формальних і семантичних – контекстного оточення компо-

нента 'глибина' стає основою для простеження нівелювання його субстанційності й визначення ступеня його оприймання, що дає підстави для аргументування теорії про поступову втрату категорійності тією чи іншою лексемою й одночасне входження в різні частиномовні класи.

Особливе навантаження у структурі новітніх прийменникових похідних з компонентом 'глибина' мають скалярні (атрибутиви, авторизатори, кваліфікатори і под.), що конкретизують один із визначальних елементів такого аналітичного утворення, пор.: *у глибину душі, у глибину розуму, у глибину совісті* → *у (саму/таку/неймовірну) глибину душі, у (саму/таку/неймовірну) глибину розуму, у (саму/таку/неймовірну) глибину совісті*; біл. *у глыбіню душы, у глыбіню розуму, у глыбіню сумлення* → *у (самую/такую/неверагодную) глыбіню душы, у (самую/такую/неверагодную) глыбіню розуму, у (самую/такую/неверагодную) глыбіню сумлення*; рос. *в глубину души, в глубину разума, в глубину совести* → *в (самую/такую/невероятную) глубину души, в (самую/такую/невероятную) глубину разума, в (самую/такую/невероятную) глубину совести*.

У компонента 'глибина' сталою величиною є локативність у різних позиційних варіаціях – від вертикальної, горизонтальної до внутрішньої, з одного боку, та від чітко окресленої межі, її градування до позамежовості, неокресленості. Змінною ж величиною постає предикатність, екзистенційність. Остання стає основою для формування психо-ментальних, когнітивних та інших перетворень, що стають надійним підґрунтям метафоризації, фразеологізації, початковим етапом чого потрібно вважати граматизацію.

Anatolii Zahnitko
National Academy of Sciences of Ukraine
Vasyl Stus Donetsk National University
a.zagnitko@gmail.com

PREPOSITIONAL UNITS WITH ‘ГЛИБИНА’ COMPONENT: STABILITY AND DYNAMICS

Prepositional formations with the component ‘глибина’ have been considered respectively to the lexeme ‘глибина’ and its status interpretation in modern lexicographic dictionaries with a consistent definition of the functional regularities of horizontal, vertical, and internal targets in establishing prepositional derivatives, within which the lexeme ‘глибина’ may not always lose its substantiality. Prepositional units with the component ‘глибина’ in modern Ukrainian, Belarusian, Russian, and partly Polish languages with the study of national text corpora and dictionaries of prepositions and their Ukrainian, Belarusian, Polish, and partly Russian analogues have served as data analysis which enables to specify common and distinctive characteristics of expression of directive-finish, directive-recipient, directive-target, dimensive-locative, dimensive-characterizer, dimensive-qualifier, dimensive-graduator, etc., as well as identify peculiarities of semantics synthesis within these prepositional-derivative phrases.

The research of prepositional units with the component ‘глибина’ in modern Ukrainian, Belarusian, Russian, and partly Polish languages allows the construction of stable models with the analyzed component by establishing functional features of left- and right-hand constituents within these models together with qualifying the semantic integrity of new formations.

By that, their various manifestations, both formal and semantic, dependent on the component ‘глибина’ context environment help trace the leveling of its substantiality and its nature as a preposition. All this enables us to interpret the theory on the

gradual loss of categorization by a lexeme and its simultaneous formalization by different parts of speech.

The main function in structure of the newly derived prepositional sets with the component 'глибина' implement scalars (attributes, authorizers, qualifiers, etc.) which specify one of the determining elements of such an analytical phrase, cf.: укр. *у глибину душі, у глибину розуму, у глибину совісті* → *у (саму/таку/неймовірну) глибину душі, у (саму/таку/неймовірну) глибину розуму, у (саму/таку/неймовірну) глибину совісті*; біл. *у глыбiню душы, у глыбiню розуму, у глыбiню сумлення* → *у (самую/такую/неверагодную) глыбiню душы, у (самую/такую/неверагодную) глыбiню розуму, у (самую/такую/неверагодную) глыбiню сумлення*; рос. *в глубину души, в глубину разума, в глубину совести* → *в (самую/такую/невероятную) глубину души, в (самую/такую/невероятную) глубину разума, в (самую/такую/невероятную) глубину совести*.

The permanent characteristic of the component 'глибина' is its locativeness in different positions – vertical, horizontal, and internal, on the one hand, and within or beyond the outlined boundaries, on the other hand, whereas its variable characteristic lies in a predicative, existential expression which due to grammaticalization leads to the formation of psychological-mental, cognitive and other transformations such as metaphors and phraseological units.

Andreja Žele
Slovenska akademija znanosti in umetnosti
Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša
andreja.zele@ff.uni-lj.si

SPREMEMBE V SLOVENSKI SKLADNJI KOT REZULTAT LEKSIKALIZACIJ IN NOVE LEKSIKE

Jezikovni pojav mora biti že dovolj razširjen in ustaljen, da je lahko zanimiv tudi za slovnico oz. skladnjo, in ne zgolj za slovar. Prispevek bo znotraj leksikalizacij opozoril na metoni- mične pomenske premike, ki povzročijo tudi premike v morfo-skladenjski rabi glagola: *abstinirati* vs. *abstinirati volitve*: *Zbolel je in zato je moral eno leto abstinirati* nasproti *Abstini- rali so volitve*; podobno še: *blefirati* vs. *blefirati veselje*; *diplo- mirati* vs. *diploimirati na zgodovini*. Novejše pomensko-skla- denjske spremembe so pri glagolih s *se*: *sprehajati se s prija- teljico* vs. *sprehajati psa*, *Te dni se smuča na bližnjem hribu* vs. *On smuča* v pomenu ‚znati/obvladovati‘; podobni pomen- sko-skladenjski premiki so še pri: *(igrati (se) na računalnik)* v pomenu ‚obvladovati napravo‘, *prostituirati se industriji* v pomenu ‚ponujati strokovne storitve/rešitve‘. Leksikalizirane so lahko sedanjiške oblike glagolov kot *gledati* v *Samo gledam* ‚Čudim se‘ ali *držati* v *Drži se!* kot pozdrav. Leksikalizacija je povezana tudi s konverzijo in univerbizacijo nasploh, npr. gla- gola v členek: *Recimo, da začne goreti, kaj boš najprej nare- dil?* Konverzija je leksikalizacija in univerbizacija z možnostjo vsaj majhne arbitrarnosti sestavin v besedni zvezi, npr. *vodil- ni (delavec/kolesar)* nasproti univerbizaciji s sufikacijo, npr. *primorka* ‚primorska avtocesta‘, *daljinec* ‚daljinski upravlja- lec‘, *celovečerec* ‚celovečerni film‘, *masovka* ‚masovna prire- ditev‘ ipd. V smer novih leksikalizacij vodi zlasti povedkova raba, ker vloga v povedku daje večje možnosti prehajanja v drugi neprvi pomen, npr. *biti domač s kom/čim*, *biti nor na palačinke*, *biti rojen za to* ipd. Nove tvorjenke navadno zo-

žujejo vezljivostno polje, npr. *prednastaviti stroj*, *prenamestiti programsko opremo*, *preošteviliti stavbo*, *preparkirati avto*, *preusposabljeni ljudi*.

Andreja Žele

Slovenian Academy of Sciences and Arts

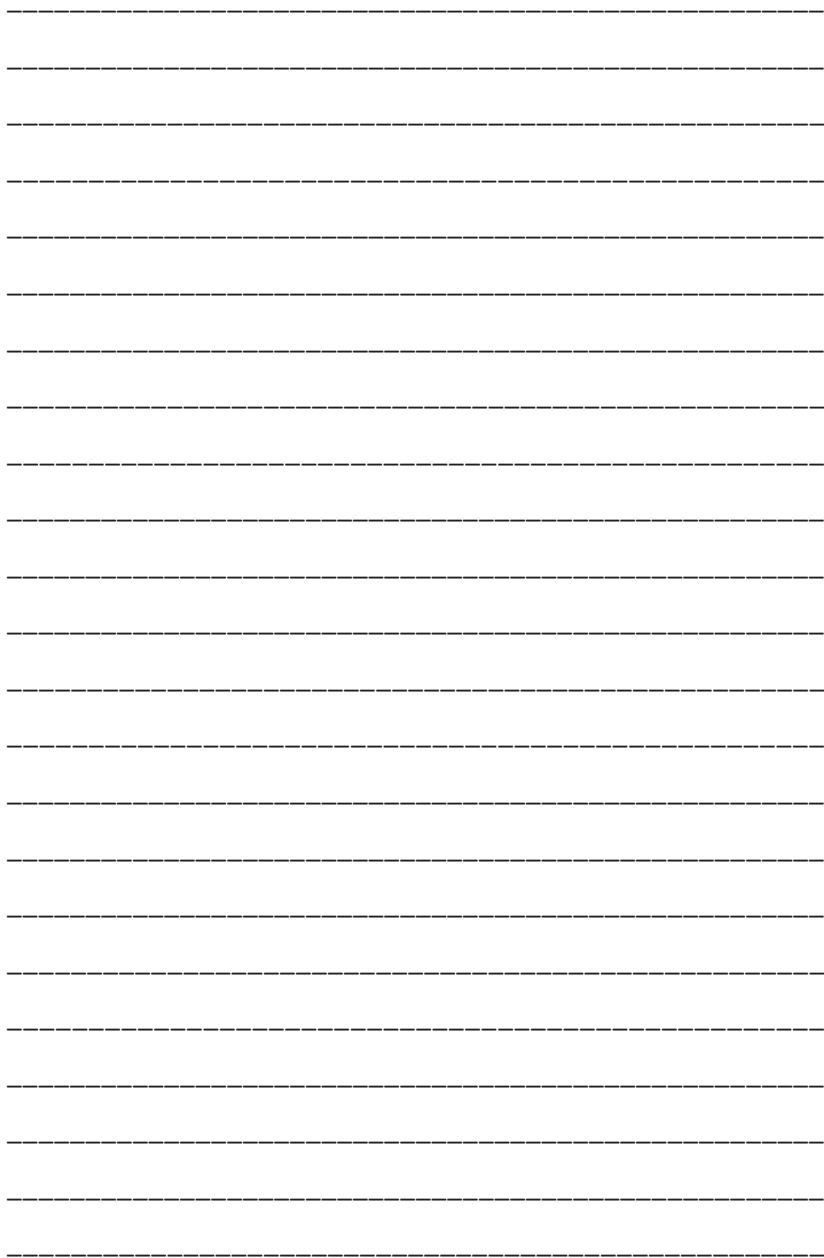
Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language

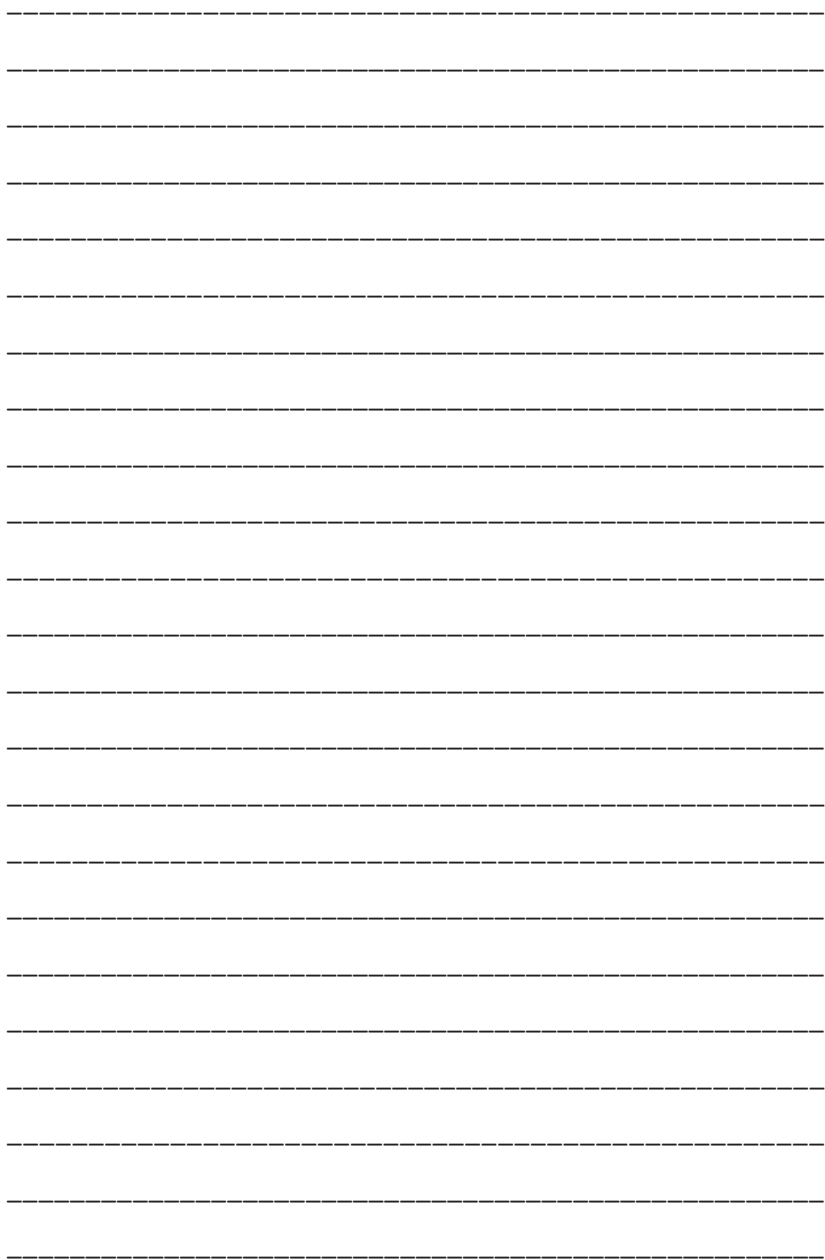
andreja.zele@ff.uni-lj.si

CHANGES IN SLOVENIAN SYNTAX AS A RESULT OF LEXICALIZATIONS AND NEW LEXICON

The linguistic phenomenon must be already widespread and established enough to be interesting not only for the dictionary but also for grammar and syntax. Within lexicalizations, the contribution will highlight metonymic shifts in meaning, which also lead to shifts in the morpho-syntactic use of the verb: *abstain* vs. *abstain from elections*: *He fell ill, and therefore had to abstain for a year* as opposed to *They abstained from voting*; similarly, there are: *to bluff* vs. *to bluff joy*; *to graduate* vs. *to graduate in history*. More recent semantic-syntactic changes are found with verbs accompanied by reflexive pronoun *se*: *to take a walk with a friend* vs. *to walk the dog*, *These days he skis on the nearby hill* vs. *He skis* in the sense of ‘knowing/mastering’; similar semantic-syntactic shifts are also present in: *to play on a computer* in the sense of ‘mastering the device’, *to prostitute oneself to the industry* in the sense of ‘offering professional services/solutions’. Present tense forms of verbs, such as *gledati* ‘to look’ in *Samo gledam* ‘I’m just wondering’, or *držati* ‘to hold’ in *Drži se!* ‘Stay strong!’, can be lexicalized. Lexicalization is also associated with conversion and general univerbization, for example, turning a verb into an article: *Recimo, da začne goreti, kaj boš najprej naredil?* ‘Let’s say it starts burning, what will you do

first?'. Conversion is lexicalization and univerbization with the possibility of at least a small arbitrariness in the components of a phrase, for example, *vodilni* (leader) as 'leading (worker/cyclist)' as opposed with univerbization through suffixation, for instance, *Primorka* 'primorska highway', *daljinec* 'remote control', *celovečerec* 'feature film', *masovka* 'mass event', etc. In the direction of new lexicalizations, especially the use of predicates leads, because the role in the predicate allows for greater possibilities of transitioning to a second non-primary meaning, for example, *to be familiar with someone/something*, *to be crazy about pancakes*, *to be born for it*, etc. New word formations typically narrow down the field of valency, for example, *to preset a machine* 'prednastaviti stroj', *to reinstall software* 'preimenovali programsko opremo', *to renumber a building* 'preštevilčiti stavbo', *to repark a car* 'preparkirati avto', *to retrain people* 'preusposabljeni ljudi'.

ISBN 978-86-6153-762-2

Издавач

Филолошки факултет Универзитета у Београду

Издавање овог зборника финансијски је помогло Министарство
науке, технолошког развоја и иновација Републике Србије

Уредник

Људмила Поповић

Коректура и лектура

проф. др Марина Николић
др Александра Марковић

Припрема за штампу

Душко Ћосић

Штампа

МАБ, Београд

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

811.16'36(048)

МЕЂУНАРОДНОГ комитета слависта (Београд). Комисија за
проучавање граматичких структура словенских језика.
Седница (47 ; 2024)

Зборник теза и резимеа / 47. седница Комисије за проучавање
граматичких структура словенских језика
Међународног комитета слависта, Београд, 12–14. септембра 2024. ;
[уредник Људмила Поповић]. - Београд
: Филолошки факултет Универзитета, 2024 (Београд : МАБ). - 75 стр.
; 25 cm

На спор. насл. стр.: Book of abstracts / The 47 th meeting of The commis-
sion on the grammatical structure of
slavic languages of the international committee of slavists Belgrade, sep-
tember 12–14, 2024. - Текст на
више језика. - Тираж 50

ISBN 978-86-6153-762-2

а) Словенски језици -- Граматика -- Апстракти

COBISS.SR-ID 150730249